

**Санкт-Петербургский государственный университет
Исторический факультет
Кафедра истории древней Греции и Рима
Центр антиковедения**

МНЕМОН

**Исследования и публикации по истории
античного мира
Под редакцией профессора Э.Д. Фролова**

Выпуск 6

**Санкт-Петербург
2007**

Э.Д. Фролов

Вместо предисловия: к 140-летию со дня рождения академика С.А. Жебелева

На нынешнюю осень приходится знаменательная дата – 140 лет со дня рождения выдающегося ученого-антиковеда, профессора Санкт-Петербургского университета и действительного члена Российской Академии наук Сергея Александровича Жебелева (он родился 10 сентября 1867, умер 28 декабря 1941 г.).

В ряду многочисленных представителей Петербургской историко-филологической школы, внесших вклад в развитие отечественной науки о классической древности, Жебелеву принадлежит особое, можно сказать, исключительное место. Особенное значение его ученой деятельности определяется не только ее очевидным размахом и результативностью (Жебелев был автором более 300 научных работ и воспитал не одно поколение отечественных антиковедов), но и длительностью и непрерывностью ее в самое трудное для нашей науки время – в годы революционной и послереволюционной ломки устоявшихся культурных и образовательных традиций, или, как определял это время сам Жебелев, *в годы лихолетья*. Эта его деятельность как бы своего рода аркою соединила дореволюционный и советский периоды в истории отечественной науки об античности и таким образом обеспечила столь необходимую для любой научной дисциплины преемственность.

Жизненный путь С.А. Жебелева может служить иллюстрацией того, какого успеха мог добиться человек интеллектуального труда в старой России и сколь много испытаний ему пришлось пережить в России новой. Выходец из средней городской или, как тогда говорили, мещанской среды (отец его был купцом средней руки), он сумел окончить классическую гимназию и поступить на Историко-филологический факультет Петербургского университета. Здесь он специализировался по филологии и истории классической древности (1886–1890 гг.). На формирование его как ученого сильнейшее влияние оказали профессора Ф.Ф. Соколов и Н.П. Конда-

ков. Первый привил ему вкус к реконструкции исторического факта на основании комплексного использования литературной и документальной (эпиграфической) традиции, а второй добавил к этому умение в исторических занятиях дополнительно опереться на данные археологии и памятники искусства.

Все же наибольшее значение для Жебелева имело приобщение к той высокой историко-филологической школе, развитие которой было связано по преимуществу с именем Ф.Ф. Соколова. Последний положил начало в нашей науке строго фактическому, предпочтительно опиравшемуся на документальный, эпиграфический материал историко-филологическому направлению, которое в дореволюционном русском антиковедении заняло ведущее место. Именно Соколов привил Жебелеву интерес к изучению исторических фактов и реалий, приобщив его к занятиям эпиграфикой. Большую роль в этом плане сыграло участие Жебелева в тех частных занятиях эпиграфикой, которые велись Соколовым из года в год у себя дома с группой избранных учеников.

Эти занятия стали для молодого классика тою высшею школою, где он сформировался как ученый. Из этих семинарских занятий он вышел подлинным «соколовцем», до конца дней своих исповедовавшим культ конкретного историко-филологического исследования, направленного преимущественно на реконструкцию и истолкование исторических фактов. Равным образом от Соколова Жебелев перенял глубинную антипатию ко всякого рода преждевременным обобщениям – антипатию, но не безусловное отвержение. Позднее, в особенности в работах советского периода, он показал себя ученым, вполне способным к историческому синтезу, но только – и это было условием *sine qua non* – на основе предварительно исполненной всеобъемлющей аналитической работы.

Но Жебелев был не просто одним из славной плеяды «соколовцев», к которой, помимо него, принадлежали В.К. Эрнштедт, В.В. Латышев, А.В. Никитский и др., – он стал прямым продолжателем той научной линии, которая была намечена Соколовым. Мы имеем в виду углубленное исследование фактов греческой политической истории преимущественно позднего, эллинистическо-римского времени, для изучения которого как раз новые эпиграфические находки открывали большие возможности. Именно этому историческому периоду были посвящены обе диссертации Жебелева, изданные в виде отдельных монографий: магистерская – «Из истории Афин, 229-31 гг. до Р.Х.» (1898) и докторская – «АХАЙКА. В области древностей провинции Ахайи» (1903). При этом надо подчеркнуть, что они были выполнены именно в том ключе, кото-

рому был привержен Соколов. Здесь, в значительной степени с опорой на эпиграфический материал, досконально исследовались факты преимущественно политической истории Афин и Греции в эллинистическо-римский период.

В частности, в первой из названных работ была предпринята попытка реконструировать список афинских архонтов, что так важно для установления хронологии событий эллинистическо-римского времени. Во второй была прояснена картина формирования на Балканах римской провинции Ахайи. Надо заметить, что до Жебелева среди ученых господствовало мнение, что со времени разгрома римлянами важнейшего в эллинистической Греции политического объединения – Ахейского союза и разрушения ими его центра Коринфа (146 г. до н.э.) вся Греция под именем Ахайи составила часть римских владений на Балканах, будучи присоединена к аннексированной еще ранее Македонии. Однако Жебелев доказал, что война, закончившаяся в 146 г. разрушением Коринфа, была войною римлян именно против Ахейского союза и его союзников, а не против всех греков. Соответственно провинцию Ахайю составили первоначально только области открыто воевавших с римлянами греческих государств – Ахейского союза с Коринфом, Беотии и Эвбеи. Из прочих греческих общин многие продолжали пользоваться политической свободой и сохраняли свой государственный строй, по крайней мере формально, вплоть до времени Августа, а некоторые и еще дольше.

Это наблюдение чрезвычайно важно для понимания римской политики на эллинском Востоке, отношений Рима с греками и роли, которую самоуправляющиеся греческие городские общины продолжали играть в составе римской державы. Но важным, конечно, было и другое наблюдение Жебелева – о том, что под воздействием римской державной политики эти элементы полисного быта греков постепенно увядали, теряли свое принципиальное содержание и становились формальными аксессуарами низведенных до положения простых муниципиев некогда независимых городов.

Политической историей античного мира Жебелев продолжал заниматься всю свою жизнь, постепенно расширяя ареал своих интересов. Именно, подобно многим другим отечественным антиковедам, он также обратил свой взор к той части античного мира, которая включала земли будущей России, – к Северному Причерноморью. И как и в ранних своих работах, посвященных эллинистическо-римской истории Балканской Греции, так и позднее, в советское время, в многочисленных статьях, касавшихся истории античных государств Северного Причерноморья (Ольвии, Херсонеса, Боспора),

он демонстрировал усвоенное в школе Соколова умение реконструировать исторические факты, используя в комплексе данные литературной традиции и эпиграфических документов.

Было бы, однако, неверно думать, что интересы Жебелева ограничивались только политической историей античности. Его всегда привлекали и другие аспекты жизни античного мира – религия, искусство, культура в различных ее проявлениях. Медицинской практике жрецов Асклепиадов было посвящено его раннее ученое произведение «Религиозное врачевание в древней Греции» (1897). В журнале «Филологическое обозрение», издававшемся в Москве, Жебелев с 1893 г. на протяжении ряда лет вел «Археологическую хронику эллинского Востока», где давал обзор новых археологических открытий, связанных с обнаружением различных памятников античной архитектуры и искусства. А в начале 900-х годов им было опубликовано и собственное обширное исследование археолого-искусствоведческого характера «Пантикапейские Ниобиды» (1901). В этой работе Жебелев опубликовал и всесторонне исследовал 25 частью терракотовых, частью гипсовых рельефных изображений Ниобид – детей Ниобы, погубленных стрелами Аполлона и Артемиды. Рельефные эти фигурки «односторонки» служили украшением одного из древних саркофагов, обнаруженных в Северном Причерноморье. Жебелев уточнил их назначение, датировал их (временем эллинизма), а главное, провел настоящее искусствоведческое изучение, доказав, в частности, что греческие мастера, изготовлявшие такого рода украшения к саркофагам, ориентировались в качестве образца не на статуарную скульптуру, а на рельефы, наподобие того, который украшал трон Зевса в его олимпийском святилище.

Наконец, надо отметить еще одно направление ученых занятий Жебелева – историографическое. Он был трудолюбивым рецензентом многих работ русских и зарубежных ученых. Эти его рецензии, из года в год печатавшиеся в русских журналах, составляют важный блок в отечественных историографических штудиях. Еще более примечательной была другая линия историографических занятий Жебелева: подобно В.П. Бузескулу, он был мастером библиографических очерков, публиковавшихся им также из года в год в виде некрологов. Среди этих обзоров есть и капитальные, разраставшиеся до объема целой монографии, как, например, обстоятельный очерк жизни и деятельности учителя Жебелева Ф.Ф. Соколова (1909 г.). Последний труд особенно ценен, поскольку содержит, в форме высказываний о научных принципах Соколова,

изложение собственного ученого катехизиса автора.

Одновременно с научной успешно развивалась и педагогическая деятельность Жебелева. В Петербургском университете он преподавал с 1898 г. и как наставник нескольких поколений русских классиков должен быть поставлен в один ряд с такими признанными мэтрами, как Ф.Ф. Зелинский и М.И. Ростовцев. Заметим, что общественному признанию заслуг Жебелева много содействовала и его просветительская и издательская деятельность. Он занимался переводами древних авторов: осуществил новый перевод «Политики» Аристотеля (1911), подготовил переиздание выполненного первоначально Ф.Г. Мищенко перевода «Истории» Фукидида (1915). Под его руководством был осуществлен перевод на русский язык двух драгоценных пособий по истории античности – «Греческой истории» немецкого антиковеда Роберта Пёльмана (1910) и «Истории греческой литературы» французских филологов братьев Альфреда и Мориса Круаза (1912).

Ученому авторитету Жебелева содействовала и его широкая общественная деятельность. Он неоднократно выполнял ответственные поручения как в университете, так и за его пределами. На протяжении многих лет он вел дела Классического отделения Русского археологического общества (он состоял секретарем этого отделения с 1894 г.) и осуществлял редактирование статей по классической филологии в «Журнале министерства народного просвещения» (на пост редактора отдела классической филологии в этом журнале он заступил в 1903 г., сменив рано умершего В.К. Ернштедта). Стараниями Жебелева были подготовлены к изданию статьи, составившие содержание отдела классической филологии названного важнейшего научного журнала в дореволюционной России за самый интересный период – с 903 по 1918 г.

В общем не будет преувеличением сказать, что в начале XX века авторитет С.А. Жебелева как крупного ученого, преподавателя и общественного деятеля был очень велик, уступая разве что авторитету другого, более старшего «соколовца» – В.В. Латышева.

Октябрьскую революцию Жебелев так же, как и Латышев и как его коллеги по университету Ф.Ф. Зелинский и М.И. Ростовцев, внутренне не принял, но, в отличие от двух последних, родины не покинул и продолжал работать в Петроградском (а еще позднее Ленинградском) университете, где в годы революционного лихолетья занимал даже посты декана и ректора. С образованием нового научного учреждения – Государственной Академии истории материальной культуры (ГАИМК), ставшей скоро главным центром разработки про-

блем древней истории, Жебелев активно включился и в ее работу. Как уже было замечено, он стал связующим звеном между старой наукой и новым поколением ученых-марксистов, скоро вышедших на первый план. В 20-е и 30-е годы прошлого столетия он был признанным архегетом отечественного антиковедения, всемерно использовавшим свое высокое положение и свой авторитет для защиты и сохранения принципов высокой науки.

Всё же отчужденное отношение Жебелева к новому режиму было слишком заметно, чтобы это прошло для него совсем безнаказанно: в 1927 г. он был уволен из университета как социально неподходящий элемент. Правда, в том же году он был избран в действительные члены Академии наук (членом-корреспондентом ее он состоял уже с 1914 г.), но уже через два года подвергся гонениям в рамках открытого советской властью наступления на старые, консервативно или даже оппозиционно настроенные кадры ученых. Жебелев должен был смириться и занять более лояльную позицию, свидетельством чего явилась его работа о Савмаке – «Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре» (1932–1933 гг.), отвечавшая требованиям официальной идеологии.

Препринт этой статьи носил характерный заголовок «Первое революционное восстание на территории СССР». Отталкиваясь от сообщений херсонесского декрета в честь Диофанта (конец II в. до н.э.), Жебелев выдвинул гипотезу о том, что руководитель выступления скифов против боспорского царя Перисада Савмак был рабом, а само это выступление явилось мощным движением рабов-скифов, подвергавшихся эксплуатации в Боспорском царстве. Предположение Жебелева о рабском состоянии Савмака основывалось на сближении глагола *ektrephein* – «вскармливать», «воспитывать», употребленного в надписи для обозначения отношения Перисада к Савмаку, с отглагольным прилагательным *threptos* («вскормленный»), обозначавшим иногда домашнего раба (*oikogenes*).

Надо отдать должное научной находчивости Жебелева, сделавшего то, что от него ожидали, по возможности не изменяя научному принципу. Скажем прямо: предложенная им гипотеза отнюдь не была худшей из всех и во всяком случае имела право на существование. Однако проведенное им лексическое сближение носило достаточно гипотетический характер, – слишком гипотетический, чтобы можно было строить дальнейшее заключение о массовом восстании рабов на Боспоре. Зыбкость исходного положения послужила основанием для развернувшейся позднее, уже в послевоенное время, полемики вокруг статьи Жебелева о Савма-

ке, в ходе которой большая часть участников отвергла тезис о революции рабов на Боспоре.

Как бы то ни было, горькая чаша испытаний, из которой пришлось испытать русской интеллигенции, не обошла стороной Жебелева, но он устоял и, как последний из могижан, *остался примером служения науке несмотря ни на что.*

В написанном в 1932 г. по случаю собственного 65-летия «Автонекрологе» Жебелев дал объективную оценку своей научной и общественной деятельности и самым исчерпывающим образом охарактеризовал направление своих ученых занятий. Указав на то, что он никогда не был ни филологом, ни эпиграфистом, ни археологом в собственном, точном смысле этих понятий, он так заключал свою самооценку (он пишет о себе в третьем лице): «Если уж быть абсолютно точным, предметами его изучения была античная история и так называемые древности, преимущественно греческая история и греческие древности. Для изучения их Жебелев старался привлекать всю античную традицию, т.е. источники литературные, документальные и вещественные, причем главную свою задачу усматривал в критическом анализе этой традиции, в установлении, на основании ее разбора, фактов и только фактов. Он не только не смутился бы, но был бы очень польщен, если бы к нему применили кличку «фактопоклонника». Ибо, по его мнению, в установлении фактов заложены, как фундамент, цель и назначение научного знания: узнать истину или, по крайней мере, подойти, приблизиться к ее познанию».

Сформулированному таким образом научному кредо Жебелев был верен всю свою жизнь. Эта верность засвидетельствована в его многочисленных научных трудах; она была им привита также и своим ученикам, продолжателям его дела в Петербургском университете – И.И. Толстому и А.И. Доватуре, через которых эстафета славной петербургской историко-филологической школы была передана дальше и, уже через их учеников, донесена до нынешнего поколения. Сказанное вполне объясняет, почему кафедра истории древней Греции и Рима СПбГУ избрала С.А. Жебелева своим эпонимом и озаглавила череду своих научных конференций именем «Жебелевские чтения». Стремлением следовать принципам научного поиска, обоснованным С.А. Жебелевым, объясняется также и тот эпиграф или девиз, которым открывается издаваемый кафедрой сборник исследований и публикаций по античной истории: *ex ipso fonte – из самого источника.*